

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ НЕПОНИМАНИЕ: ИЗРАИЛЬТЯНЕ И РЕПАТРИАНТЫ ИЗ РОССИИ

Жизнь в Израиле сталкивает между собой людей, родившихся в разных странах, принадлежащих к разным языковым общинам, и израильтян, представителей новой израильской культуры. Формально они говорят на одном языке — иврите, но на самом деле каждый следует нормам родного языка, своей культуры.

Вследствие этого часто возникает непонимание, которое приводит к образованию стереотипов и предубеждений как в восприятии отдельного человека, так и целых групп людей. Так, в отношениях между репатриантами из России и израильтянами (особенно израильтянами восточного происхождения) сложились групповые стереотипы, негативные установки. С одной стороны, это «грязные марокканцы» и «бескультурные израильтяне», с другой: «вонючие русские», «русские варвары».

Задача этой работы — объяснить, как возникает непонимание между этими языковыми общинами и в чем его причины. Целью работы является также разработка модели для анализа случаев непонимания.

Методологически это исследование основано на наблюдении и интроспекции. Выборка включает в себя студентов в возрасте 20—24 лет, приблизительно одинакового социального статуса. Все диалоги, приведенные в этой работе по-русски, были записаны на иврите.

Одной из причин непонимания может быть то, что собеседники следуют разным речевым стратегиям. К этим стратегиям применимы следующие категории:

- 1) прямота — косвенность;
- 2) солидарность — уважение;
- 3) отрицательная гипотеза — положительная гипотеза.

Прямота/косвенность высказывания определяется уровнем эксплицитности намерений говорящего. Так, просьба закрыть окно может быть выражена в прямой форме: «Закрой окно!», в конвенционально-косвенной: «Не мог бы ты закрыть окно?» или в косвенной форме: «Что-то холодно в доме». Обычно больший уровень косвенности высказывания ассоциируется с вежливостью, но оценка этого может быть как отрицательной, так и положительной, в зависимости от принадлежности к определенной культуре [1. Р. 127].

Используемые далее термины «уважение» и «солидарность» основываются на понятиях *societas* и *communitas*, введенных В. Тёрнером [2. Р. 43—48]. Эти понятия характеризуют две основные модели общественной жизни, определяющие

использование языка и других символических систем [3. Р. 29]. Модель *societas* характеризуется признанием общественного статуса, роли человека: отношения между людьми подчиняются определенной конвенции, правилу. Модель *communitas* подразумевает общение вне рамок социального времени и пространства, игнорирование ролей и статусов; создание равных недифференцированных межличностных отношений [3. Р. 30].

Реализацией модели *societas* на коммуникативном уровне является стратегия уважения, а реализацией модели *communitas* — стратегия солидарности. Стратегия солидарности важна для понимания такого явления в израильской культуре, которое Т. Катриель называет *dugrijut*, т. е. «искренность, нелицеприятность» [3. Р. 16]. В основе этого понятия лежит эстетика простоты и естественности, антистиль, презрение к разговорам.

Общение в стиле *dugrijut* — это общение не для чужих, оно предполагает общую базу, общие представления и ценности. У истоков этого понятия стоит идеология *halutzim*, первых еврейских переселенцев в Израиль, впитавшая в себя идеи русской революции и «естественного человека» Руссо. Переселенцы отрицали формальную вежливость, ассоциировавшуюся со стереотипным поведением еврея в диаспоре, его унижением и вечным страхом сказать что-то не то. Переселенцы мечтали построить в Израиле общество равенства и братства, где каждый будет выражать свои мысли прямо и без оглядки.)

Оппозиция отрицательная/положительная гипотеза отражает исходное представление о себе и о другом. При отрицательной гипотезе собеседник видится как источник опасности, как потенциальный противник. Внутреннее «я» уязвимо, и по отношению к новому человеку существует как бы презумпция виновности. И только постепенно, после разнообразных культурных проверок обвинение снимается. При положительной гипотезе человек с самого начала воспринимается как потенциальный союзник. От него не требуется никаких доказательств лояльности.

В различных культурах используются разные стратегии. Кроме того, одна и та же стратегия может быть расценена по-иному в разных культурах.

Непонимание может проявляться на нескольких уровнях. На самом поверхностном уровне на понимание влияют паралингвистические показатели (интонация, темп речи, высота тона). Человек, говорящий на чужом языке с интонациями родного, может восприниматься как говорящий угрожающе или презрительно, в то время как он сам считает, что его речь нейтральна [4. Р. 168]. Другой уровень — уровень высказывания. Коммуникативная компетентность говорящего предполагает умение определить, каким речевым актом является то или иное высказывание. Например, просьба часто облекается в форму вопроса. За одной и той же формой в разных культурах стоит разное содержание. Так, прямая просьба в русской культуре воспринимается как приказ, и поэтому оскорбительна; в израильской же культуре такая форма просьбы вполне приемлема [5. Р. 114].

Самый глубокий уровень проявления непонимания — уровень намерения. Даже самому говорящему не всегда доподлинно известно, что он имеет в виду. Например, если я звоню знакомой, у которой есть машина, и спрашиваю, на каком автобусе до нее можно добраться, то непонятно, настоящий ли это вопрос или косвенная просьба заехать за мной [6. Р. 420]. Неясно, существует ли в моей речи намеренная импликация. В случае, если она существует, она может быть понята или не понята собеседником. Но даже если никакой импликации не существовало, слушающий может приписать ее высказыванию говорящего. Непонимание возникает в тех случаях, когда импликация существует, но не понята, или когда она не существует, но приписывается одним собеседником другому.

С чего начинается общение? Со знакомства. Посмотрим, как знакомятся молодые израильтяне и репатрианты из России на новом месте.

В нашем примере Аня и Лиора, студентки Иерусалимского Университета, приехавшие в кибуц подработать во время летних каникул, встречаются в

кибуцном домике, где им предстоит вместе жить. Лиора устраивается в квартире; входит Аня:

- 1а — Привет!
2л — Привет, меня зовут Лиора, а тебя?
3а — Анна. Приятно познакомиться.
4л — И мне. Откуда ты?
5а — Из России.
6л — Да, а откуда из России?
7а — Из Ленинграда.
8л — И давно ты в Израиле?
9а — Скоро год.
10л — Как ты классно говоришь на иврите!
11а — Спасибо.
12л — Так ты всего год здесь и уже поступила? А на какой факультет?
13а — Биология. На вторую степень¹.
14л — Ого, на вторую степень? А сколько тебе лет?
15а — Двадцать два.
16л — Ничего себе... И как это ты успела?
17а — Да так...
18л — А у тебя есть бой-френд?
19а — Э-э-э, нет...
20л — А родственники в Израиле у тебя есть?
21а — Нет...
22л — Ты что, одна приехала?
23а — Да.
24л — А твои родители сюда собираются?
25а — Нет.
26л — Почему?
27а — Да так... (Лиора смотрит на Аню вопросительно.) Им и там неплохо.
28л — Ну, ладно... Счастливо!

На протяжении всего диалога израильтянин занимает атакующую позицию. Он задает вопросы списком, как в отделе кадров. Логика этих вопросов для выходца из России не всегда ясна. В его глазах это не диалог, а нападение. Поэтому Аня медлит с ответами и отвечает как можно короче. Понятно, что она слышит эту серию вопросов не впервые, но до сих пор испытывает неудобство, отвечая на них.

За каждым вопросом для собеседника скрываются разные импликации. Когда Аня знакомится с кем-нибудь из своих русских ровесников, она спрашивает совсем о другом. По русской стратегии знакомства нужно занимать выжидательную позицию, т. е. ждать, когда собеседник сам расскажет о себе то, что он считает нужным. До этого момента разговор ведется на общие, а никак не на личные темы.

Израильская традиция, на которой сказалась идеология *halutzim*, первых переселенцев в Израиль, с их отказом от униженной вежливости, от психологии диаспоры, опирается на стратегию прямоты и солидарности. Если бы Лиора не задавала всех этих вопросов, то она бы, по ее собственному признанию, так бы ничего об Ане не узнала и чувствовала бы себя неуютно. В России человек, наоборот, считывает информацию о собеседнике по одежде, по манере держаться, по манере говорить, т. е. русская традиция в этом отношении более косвенна.

Что же стоит за вопросами Лиоры? Вопрос «Откуда ты?» естественен по отношению к иностранцу; гораздо интереснее понять, что стоит за вопросом бл. Он выполняет функцию «сужения места», поиска общих знакомых. При знакомстве израильтян этот вопрос имеет вид: «Где ты служил/а, когда ты был/а в армии?» или «В какой школе ты учился/ась?». Русские спрашивают друг друга: «Где ты

¹ Соответствует 4—5 году обучения в российском вузе.

учился/ась? Когда? На каком курсе?». После этого происходит выяснение общих знакомых, но в описанном выше случае вопрос не достигает своей цели. Название русского города обычно ничего не говорит израильтянину, поэтому после слов Ани: «Из Ленинграда» «сужения места» не происходит.

8л — это уточняющий вопрос, естественный при разговоре с иностранцем. Лиора задает его, чтобы определить, насколько совпадает их культурный фон, насколько Аня успела погрузиться в местную жизнь. Аню этот вопрос раздражает: во-первых, потому, что она слышит его в тысячный раз, а во-вторых, сама попытка определить уровень ее компетентности в израильской жизни, вписать в какие-то рамки для нее оскорбительна.

Реплика 10л не вызывает у Ани никакой реакции. Она привыкла слышать подобные комплименты еще с тех пор, когда только начинала учить иврит, в Израиле это привычная вежливая формула в разговоре с иностранцем, изучающим иврит.

Образ Ани не совпадает в понимании Лиоры с образом студентки второй степени. Аня в ее глазах слишком молоденькая. Поэтому Лиора спрашивает, сколько той лет (14л).

И в израильской, и в русской еврейской среде в России существует «культура достижений»: соответствие между возрастом человека и тем, что он успел достичь. Во столько-то лет человек демобилизуется, заканчивает институт, женится, заводит ребенка и т. д. По возрасту человека можно определить, какие достижения он уже совершил и на каком этапе жизни сейчас находится. Израильская шкала отличается от русской. Двадцать два года в Израиле — это возраст поступления в вуз или учебы на первой, а никак не на второй степени (см. прим. 1). Поэтому Лиора выражает недоумение (16л), а Аня отвечает смазанию (17а): она не знает, что стоит за этим вопросом, чего от нее ждут.

Вопрос «А сколько тебе лет?» неприемлем в русской культуре. Да и в случае знакомства двух израильтян задается косвенный вопрос: «Когда ты демобилизовался/ась?». Но Ане, понятно, такого вопроса не задать.

Вопрос Лиоры 18л до недавнего времени (до заимствования из английского языка слова *boy-friend*) невозможно было перевести на русский язык, а тем более задать, даже близкой подруге; в понимании Ани это грубое нарушение дистанции между людьми. Поэтому она отвечает отрицательно. Но ее ответ не имеет никакого отношения к действительности, он выражает нежелание Ани говорить на такую тему. В глазах Лиоры этот вопрос свидетельствует об интересе спрашивающего к собеседнику, о хорошем отношении к нему. Если ей не задают такой вопрос при знакомстве, то она может обидеться на невнимание собеседника.

Уточняющий вопрос Лиоры 22л демонстрирует ее готовность посочувствовать и пожалеть Аню, которая и не подозревает о том, что достойна жалости. Причина этого непонимания — в различном восприятии человека в двух культурах. Для израильтянина человек — это часть целого: общины, семьи, в то время как русский воспринимает себя как отдельного индивидуума. Если для человека из России *alia*, эмиграция в одиночку — нормальное явление, то для израильтянина отрыв от семьи — это трагедия.

То, что Лиора и дальше пытается развивать тему семьи, раздражает Аню: чужой человек не смеет вторгаться на ее личную территорию. Аня дает краткие формальные ответы, ее цель — отделаться от навязчивого собеседника. У Лиоры это вызывает недоумение, но последняя ее реплика нейтрально доброжелательна.

Знакомство, как правило, служит людям для того, чтобы отыскать точки соприкосновения, заложить основу будущего общения. В данном же случае этого не происходит: из-за разных понятий о дистанции между людьми, из-за несовпадений в представлениях о прямоте и косвенности контакт не налаживается. Большое значение имеет общее построение диалога как беседы с иностранцем: он вызывает у Ани протест и непонимание, ей как бы отказывают в праве быть «своей», говорить на равных. Когда Аня и Лиора встретятся в следующий раз, им снова придется начинать сближение почти с нуля.

Вторая ситуация касается отношений между полами; действие происходит в университете.

Весь курс обсуждает тему проекта по опросу общественного мнения, проекта, общего для всех студентов. Они будут работать, разбившись на пары. После долгой дискуссии принимается предложение студента Хаима. Студентке Мирьям российского происхождения с самого начала не нравится его тема, и поэтому она решает высказаться еще раз и изменить решение курса:

1м — И все-таки я не думаю, что это действительно интересно. Кроме того, я не совсем понимаю, как именно должен планироваться такой опрос и в какой форме он должен быть проведен, и вообще... Да и сама тема, знаете...

2х (Поворачиваясь к Мирьям) — А у тебя есть *ben-zug* ²?

3м (Напряженно) — Какое это имеет значение?

4х — Ну, мы могли бы делать проект вместе...

5м (С облегчением) — Ах да, в этом смысле... Да, конечно.

В этом случае непонимание разрешается само собой, не препятствуя дальнейшему общению, однако интересно проследить, почему оно возникает.

Репликам 1м, 2х каждый из собеседников приписывает разный смысл. Мирьям имеет в виду: «Эта тема плохая, давайте возьмем другую». Так как для Мирьям невозможно сказать это прямо, то она, следуя стратегии косвенности, смягчает, сглаживает свое высказывание («я думаю», «я не совсем понимаю», «и вообще»).

Хаим полагает, что сомнение, высказываемое Мирьям, относится не к самой теме (так как в этом случае она, по его мнению, заявила бы об этом прямо), а к возможности выполнить проект. Смысл реплики для него в словах «я не совсем понимаю»; он не замечает существующей импликации. Хаим задает вопрос 2х с намерением предложить Мирьям сотрудничество и свою помощь в выполнении проекта.

Мирьям, привыкшая слышать ивритское слово *ben-zug* в его основном значении ('сексуальный партнер; супруг'), упускает из виду контекст высказывания и понимает 2х как неуместный и слишком прямой вопрос. Неправильно поняв Хаима, Мирьям приходит в бешенство, она чувствует себя уязвленной, ей кажется, что ее принимают за 'русскую проститутку'. В то же время она допускает, что Хаим спрашивает ее для примера, чтобы продемонстрировать ей и другим студентам, как проводить опрос. Поэтому она задает уточняющий вопрос 3м напряженным голосом, готовясь постоять за себя.

Та легкость, с которой Мирьям превратно толкует 2х, объясняется тем, что она следует отрицательной гипотезе: Хаим всегда казался ей несимпатичным, и поглядывая на нее как-то не так... Еще не зная точно, что имеет в виду Хаим, она приписывает его реплике 2х обидный для себя смысл.

Реплика 4х все объясняет: Хаим не имел в виду ничего плохого, он только хотел предложить Мирьям вместе заниматься научной работой. Но несмотря на то, что непонимание исчерпано, Мирьям все-таки отказывается потом сотрудничать с Хаимом.

Третья ситуация: в маленькой студенческой квартире в общежитии живут 4 соседки. Одна из них — Инна, студентка из России, другая — Вэрэд, израильтянка. Когда Вэрэд включает музыку слишком громко или оставляет немытую посуду, то Инна стучится к ней в комнату и излагает свою просьбу в конвенционально-вежливой форме: «Извини, не могла бы ты сделать музыку потише/вымыть посуду?». Вэрэд обычно со слегка недовольным видом выполняет просьбу, сама же, в свою очередь, не делает замечаний, из чего Инна заключает, что той ничего не мешает. Но однажды, когда Инна в очередной раз просит уменьшить звук, Вэрэд вдруг взрывается: «Да кто ты мне такая, чтобы все время диктовать, что мне делать? Что ты мне, мать, что ли? У тебя у самой вечно то будильник звонит, то по ночам мужики какие-то ржут! И вообще, иди-ка ты отсюда!».

² *ben-zug* (иврит) — 1) 'сексуальный партнер; супруг'; 2) здесь: 'деловой партнер'.

Инна шокирована и удивлена, она вяло отвечает: «Что ж ты раньше молчала, если тебе так все это мешает...» — и уходит.

Вэрэд и Инна исходят из разных понятий об отношениях между людьми. Для Инны, основывающейся на стратегии уважения, все, живущие в квартире, имеют одинаковый социальный статус — «соседки» и поэтому должны соблюдать правила общежития. Если что-нибудь мешает, то позволено и даже нужно сказать об этом, разумеется, вежливо.

Для Вэрэд, основывающейся на стратегии солидарности, соседки прежде всего — личности, отношения между ними ничем не регламентированы, они складываются в процессе общения.

Между Вэрэд и Инной нет близости или просто приятельских отношений («Да кто ты мне такая?»). Поэтому у Инны в глазах Вэрэд нет права делать ей замечания. Если бы они были приятельницами и Инна, зайдя к Вэрэд, болтая о том о сем, заметила бы, что музыку можно слушать и потише, то, скорее всего, все бы обошлось. Для Вэрэд неприемлемо то, что к ней обращаются, как к «соседке», игнорируя ее личность. Формальная вежливость просьбы не только нарушает правила солидарности, но и не оставляет для Вэрэд выхода из ситуации (в случае дружеской просьбы она могла бы отшутиться и не выполнить ее или, наоборот, выполнить, но как бы по собственному желанию).

Инне же совершенно непонятно, почему Вэрэд никогда не говорила, что ей что-то мешает, а потом, накопив недовольство, обошлась с нею так грубо. Этот случай приводит к дальнейшему ухудшению, а затем и полному разрыву отношений между Инной и Вэрэд.

Выводы, сделанные на основе анализа нескольких случаев непонимания, не подтверждены статистически; они могут быть восприняты только как гипотезы.

Непонимание часто объясняется различиями в правилах применения речевых стратегий и, соответственно, в их понимании и оценке в русской и израильской культурах. Важно, что эти правила в большинстве случаев не вербализованы: они самоочевидны для носителя культуры и не ставят его под сомнение.

Носители русской культуры при общении с новым человеком придерживаются, основываясь на отрицательной гипотезе, стратегии уважения и косвенности и только по мере сокращения дистанции переходят к стратегии солидарности и прямоты.

Для израильтян, следующих идеалу *dugrijut*, как кажется, дистанция не имеет значения, и поэтому они с самого начала общения действуют по правилам солидарности и прямоты. Это речевое поведение соответствует имиджу *sabra*, т. е. истинного израильтянина, коренного жителя, именно таким важно быть по отношению к вновьприбывшему, к чужому. Русская норма рассматривает такое поведение как выражение снисходительного презрительного отношения к собеседнику.

Израильская норма *dugrijut* — это, в сущности, миф, она реализуется в явной форме при несимметричном общении (израильтянин — не израильтянин); при симметричном общении (израильтянин — израильтянин) существуют свои уровни косвенности, свое понятие о дистанции между людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blum-Kulka S. & House J. Cross-cultural and Situational Variation in Requesting Behavior/Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Oxford, 1989.
2. Turner V. The Ritual Process. New York, 1969.
3. Katriel T. Talking Straight: Dugri Speech in Israeli Sabra Culture. Cambridge, 1986.
4. Gumpers J. Discourse Strategies. Cambridge, 1986.
5. Blum-Kulka S., Danet B. & Gerson R. The Language of Requesting in Israel//Language and Social Situation. New York, 1985.
6. Weizman E. & Blum-Kulka S. Ordinary Misunderstanding/Current Advances in Semantic Theory. Chicago, 1992.